

1987. — 12 мая

Тулепберген Каипберген

ЭТО ЖГУЧЕЕ ЧУВСТВО СТЫДА

Я СПРОСИЛ недавно одного из ветеранов нашего колхозного движения: как вам удалось тогда сколотить коллективные хозяйства? Ведь их пришлось организовывать, так сказать, из сплошных единоличников! А мы, сказал он, добились того, что люди нам верили. Мы не допускали никакого обмана! Я был председателем, а сам-то ведь неграмотный. Подойдет человек с просьбой: дать пять кило зерна или там лошадь, съездить на свадьбу или похороны. Разрешения, понятно, не могу в письменном виде дать, поэтому вручаю ему свою насыбай шакшу (табакерку) или камшу (плеть) — иди, мол, к завскладом или к конюху, получи, что нужно. И ни разу не было, чтобы человек воспользовался моим доверием, лишнее взял. А в последние годы у нас как было?..

Вот сейчас привлекают к суду материально-ответственное лицо, а в это время его бывший партийный вождь, по вине или при попустительстве которого совершены преступления, сидит дома, вся грудь — в наградах за эти самые «дела» и посмеивается: как хорошо, что я ничего не подписывал!

Мы, писатели, отдаем себе отчет в том, как трудно нынешним нашим, настоящим партийным руководителям вернуть былую веру народа. Трудовой коллектив — будь то завод, совхоз или колхоз — это не футбольная команда, что за проигрыш ее расформируют и создают новую. Руководители меняются, а коллектив, народ остаются. И работать надо с тем же самым народом. Со всеми и с каждым. Главная задача — не дать погаснуть искоркам страстной надежды на справедливость, которые вспыхнули в душах наших людей после апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС и XXVII съезда партии. Народ все видит, все знает, нужны только гласность, привычка к правде. Не должно быть ни полуправды, ни двойной правды: одной — «официальной», другой — для всех остальных.

Как ни тяжело об этом говорить, но приходится признать, что долгие годы мы, каракалпаки (да если бы только мы одни!), словно бы играли в детскую игру «поезд». Сидели на стульях, трубили в трубы и делали вид, что едем вперед. А в действительности это жизнь пронеслась мимо нас, крепко увязших в собственном самодовольстве, в привычке к двоедущию, к беззастенчивой демагогии, постоянно, как ненасытный Молох, требующей вранья, оправдывающей безделье, безответственность и прямой вред государству.

«Любой ценой добиться премии!», «У нас должно быть орденосцев больше, чем у других!», «Руководитель, который не создал комфортных условий для «представительства», а точнее, для себя и «нужных» людей, — это чужак, опасный, ненадежный человек» и т. д., и т. д. — такая система представлений и оценок глубоко въелась в умы многих руководителей и исполнителей их воли.

Эта система способствовала планомерному созданию «торгово-родовой знати» — касте неуязвимых, которым дозволено все — воровать, расхватывать жадными руками начальственные посты, кормить из государственного кармана прихлебателей-родственников, расправляться с неугодными.

ГЛАСНОСТЬ, словно весеннее солнце, растопила лед молчания, и правда широким потоком хлынула на страницы журналов и газет. Но вряд ли стоит забывать, что поток этот состоит не только из свежей воды, но и из мусора и хлама, накопившихся за время зимних холодов. И вот уже приходится читать на страницах газет выступления, в которых те, кому мы тоже обязаны своими сегодняшними бедами и прорехами, с помощью современной политической терминологии, умело варьируя словами «перестройка» и «гласность», не только защищают свои старые окопы, но и идут в наступление, снова бодро рапортуют, призывают, обещают.

А сколько было проходных выступлений, где вся смелость автора сводилась к обличению сотоварищей по писательской организации, да еще с оговоркой: я-де мог бы назвать фамилию, да не буду этого делать потому-то и потому-то, ну, словом, не желая прослыть неблагородным. Мне эта «смелость» напоминает поведение пресловутой купеческой дочери, которой хотелось «и невинности собластини, и капитал приобрести». Я думаю, что смелость, как и правда, как и искусство, не может быть хуже или лучше, больше или меньше. Смелость — это смелость, и дозировке она не подлежит.

Иногда приходится слышать: не слишком ли широко мы открыли «шлюзы» гласности? Не затопит ли это половодье ростки нового, доб-

Известный советский писатель Тулепберген Каипберген считает, что литератор должен во все времена, при любых обстоятельствах, говорить правду, какой бы горькой она ни была. Говорить — во имя очищения общества, народа от всего наносного, фальшивого, вредного, мешающего нашему продвижению вперед. Наиболее ярко творческий принцип автора этой статьи нашел свое отражение в романе-эпосе «Дастан о каракалпаках», за которую писатель был удостоен Государственной премии СССР.

рого? Согласен, нужно всячески поддерживать это новое, помогать ему пробиться, но только не бить в колокола прежнеевременно.

И не надо обольщаться: далеко не все хотят перестраиваться, лишиться власти, незаслуженных благ, незримых и зримых, бронзовых бюстов при жизни. А пока эти люди есть, никто из нас не имеет права успокаиваться.

Уже третий год наша Каракалпакия проходит «курс лечения», но, если сказать честно, позитивных изменений куда меньше, чем ожидалось. Слишком сильной оказалась инерция мышления, слишком глубоки корни зла во всех сферах нашей жизни и деятельности, и прежде всего в кадровой политике. Январский Пленум ЦК КПСС взял решительный курс на обновление кадров, выдвижение руководителей и специалистов высоких деловых и нравственных качеств. Ну а что происходит нередко на деле? Не секрет — об этом говорилось на пятом пленуме ЦК Компартии Узбекистана, что должностные лица, недавно выдвинутые на руководящие посты, нередко сегодня «падают», достигнутые собственным малодостойным прошлым.

Уверен, что немало у нас руководителей, даже готовых к тому, чтобы уйти «по собственному желанию», если им гарантируют, что их преемники не станут ворошить прошлое своих предшественников, не сделают их грехи объектом внимания правоохранительных органов.

Я спрашиваю себя, почему это происходит? Думаю, во многом вина за это ложится на «второй эшелон» — «советчиков» — кадровиков, сохранивших свои позиции. Формально к ним не притерпелся. Вместо освобожденных от должности высокие посты с их подачи занимают «обкатанные» кандидатуры с вроде бы чистыми анкетами. Только ведь жили-то они, а порой и живут, и мыслят по образцу своих прежних шефов. Так что победа наша подчас видимая, а не полная. Люди вчерашнего дня хорошо позаботились о своей «смене». Чтобы вместо них пришли такие же «свои», а не чужие, чтобы «выросли» до еще более ответственных, чем прежде, должностей. Сколько невосполнимых потерь на счету нашего поколения, за которые не оправдаться перед потомками! За победными реляциями мы преступно проглядели и судьбу Арала. Рядом с нами, на наших глазах гибнет единственный хранитель наших земель от наступления великих пустынь, регулятор климатического режима нашего региона.

МНЕ МНОГО лет приходилось заниматься историей народа. Наши предки веками кочевали по беспокойным тропам времени, искали свое счастье.

Одно из главных условий этого счастья и процветания они видели в воссоединении Каракалпакии со старшим братом — народом русским. И разве можно переоценить ту огромную роль, которую сыграл русский народ в расцвете нашей республики, ее духовном и экономическом прогрессе?

Для решения нынешних сложнейших проблем, как отмечено и на январском Пленуме ЦК КПСС, нам нужны кадры честные, не зараженные местными «домашними» болезнями», инициативные и по-настоящему демократичные и справедливые независимы от национальной принадлежности. Много ли среди них русских? Выясняется, что за последнее двадцатилетие численность русского населения по отношению к численности представителей всех местных национальностей, вместе взятых, у нас сократилась в два с половиной раза! Это отрицательно повлияло и на подготовку квалифицированных местных кадров с глубоким знанием русского языка. Ведь каракалпак только с помощью великого русского языка может с достаточной уверенностью опираться на фундамент марксистско-ленинской теории, мировой культуры и науки.

Сейчас в нашем Каракалпакском союзе писателей один-единственный русский писатель, да и тому за шестьдесят. Почему нет притока молодых, которые писали бы по-русски? Одна из причин — негде им печататься! Еще в 1981 году, выступая на областной партийной конференции, я поставил вопрос о создании у нас литературного альманаха на русском языке. Вопрос и поныне остается открытым...

Пора задуматься над тем, что накануне 70-летия Октября в нашей республике нет не только русского театра, но и русской труппы в театре, носящем имя К. С. Станиславского. Да что там — даже синхронный перевод спектаклей на русский язык отсутствует и во «взрослом» театре, и в тюзте.

Перед зданием, носящим имя великого реформатора русского театра, стоит почему-то памятник классика каракалпакской литературы Бердаху, вызывая у людей вопросы: то ли памятник не там поставили, то ли театр не тем именем назвали. Театр давно утратил свой авторитет у горожан и жителей автономной республики. Бронзовый классик нередко чуть ли не единственная фигура, которую видишь возле театра перед началом спектакля. Не помогает привлечь зрителей принудительное распределение билетов, как это практикуется в студенческой среде. Что ж, ведь есть более жесткие меры «внедрения» искусства...

Недавно после республиканской конференции женщин, состоявшейся в помещении театра, все входы и выходы перекрыли работники милиции, а гардеробщикам было велено не давать делегатам одежду. Чабаны, доярки, колхозницы из дальних мест рвались домой, поскольку ничего хорошего от такого насильственного акта общения с искусством не ждали. На мой вопрос, зачем это делают, ответственный товарищ ответил: они должны посмотреть концерт. Как говорит народ, коня можно привести на водопой, но пить воду насильно его не заставишь. Разве это метод воспитания культуры?

Тем более что программа таких концертов всякий раз напоминает мне одного моего знакомого, который с четверть века тому назад неплохо нарисовал красками свою юрту и с тех самых пор показывает этот рисунок на каждом сходке жителей улицы... Новый гость ему еще, быть может, поаплодирует, а соседям все это успело изрядно надоест.

Одно из старейших культурных учреждений — республиканская библиотека находится в жалком помещении, а административные здания, полные света и простора, растут в Нукусе.

Мы можем гордиться фондами нашего Музея искусств, собранными великим энтузиастом, русским художником Савицким. Но выставить свои богатства для всенародного обозрения музей не может нигде. Хотя одним из удачных вариантов решения этой проблемы представляется передача музею здания «Каракалпакир-совхозстрою», которое могло бы позволить также обрести наконец крышу и городскому Дому культуры. Но, к сожалению, мои обращения к некоторым членам бюро обкома партии не принесли никакого результата.

Из всех этих и многих других фактов и штрихов складывается весьма неблагоприятная картина культурной и, если угодно, идеологической политики местных руководителей.

КУДА смотрела интеллигенция республики, можете спросить вы. Она любовалась своими наградами, все сравнивала себя с 1913 годом. А в свободное время привлекалась к сельхозработам. Любовалась потому, что плохо знала русский язык, не могла сравнить свои достижения с результатами представителей других народов. Плохое знание русского языка ограничивало круг ее чтения, а следовательно, и мышления в национальных рамках. К сожа-

лению, этим же порокам были подвержены и литераторы. Их цели были сведены до уровня беззастенчивых од в честь выполненных планов. Конечно, были и есть другие, которые задолго до XXVII съезда стремились своими произведениями сформулировать мысль и сосредоточить внимание на многих болевых точках нашего существования. Но каково им приходилось?

Когда в 1978 году вышла в свет острая и честная повесть преподавателя Нукусского университета К. Мамбетова «Экзамен», то ему устроили такую обструкцию «сверху», что молодой писатель был чуть ли не доведен до инфаркта.

Недавно я выступал на областной конференции общества «Знание» с критикой в адрес руководства. Меня заинтересовал такой, например, факт, что в «Памятке» (очередном рапорте), выпущенной к конференции, было сообщено, что в 1986 году на темы литературы и искусства было прочитано 868 лекций. Ну, писательская организация, естественно, заинтересовалась, кто же когда и где их читал, о чем рассказывали лекторы. Но когда мы обратились к руководству общества с просьбой показать тексты с выступлениями хотя одного писателя, выяснилось, что их попросту нет.

Я бы, может, и не стал говорить об этом на страницах центральной газеты, если бы при публикации отчета с этой конференции в республиканской печати все высказывания и фамилии выступавших с критикой в адрес нашего общества «Знание» были попросту опущены, полагаю не по инициативе газетчиков.

Другой пример может показаться нескромным, но меня вынуждает сказать об этом позиция заведующего отделом пропаганды и агитации обкома партии Ж. Нарымбетова, высказанная на этой же конференции общества «Знание». Я тогда в своем выступлении заодно вспомнил о своем романе «Зеница ока», разоблачавшем приписки, кумовство, нарушение партийных норм. Набор этой книги в 1982 году был рассыпан по указанию свыше. Одним из первых тогда начал «разоблачительную» кампанию как раз именно Ж. Нарымбетов, тогда он был зав. лекторской группой обкома партии. Так вот сегодня, пять лет спустя, на конференции он заявил открыто, что придерживается своего тогдашнего мнения.

Что же это за мнение, которое так долго и упорно отстаивает теперь уже заведующий отделом пропаганды и агитации областного комитета партии?

Вот его тогдашние претензии к роману: «Жизнь показывается недостаточно глубоко. Например, на партийном собрании директора избирают, обсуждают. Бригадиров избирают тайным голосованием и т. п.».

Еще. «Он (герой) борется с лишними гектарами, очковитательством в заготовке хлопка, овощей, мяса, молока. Но все эти факты не стоят выпуклого показа. Потому что их нет...» — утверждал тогда этот партийный работник.

Недавно этот роман вышел. Но не в Каракалпакии, а в Москве.

Представьте себе, какова была бы тогда моя участь, если б я был, скажем, районным корреспондентом Тохымбетовым из Чимбая, с которым расправились за его правду о приписках, как с клеветником.

Есть у нашего народа легенда, связанная с именем великого Бердаху.

Влюбленный юноша, не имевший ничего для оплаты калыма, обратился за советом к аульному аксакалу. Тот спросил: «Неужели у тебя нет ничего для задобривания ее родителей?» «Ничего! Кроме моего стыда!» — ответил юноша.

«Нет богатства выше стыда человеческого!» — сказал почтенный аксакал и повел юношу к родителям его любимой.

Сегодня надо каждому из нас учиться жить по законам нравственности, вернуть жгучее чувство стыда своему лицу, душе своей, отстоять сообща веру в правду, справедливость, не щадить себя в труде на благо Родины.

Нас много, нас почти триста миллионов больших и малых братьев, родных по общей истории, общим победам и неудачам, по мудрости и нравственности народной, по великому и могучему русскому языку. Огромная армия. Но самая большая армия непобедима, если каждый боец осознал свой священный долг перед родной землей и знает, за что и против чего он сражается. Так у нас уже было. Так, я верю, это и будет.

Фото Н. Кочнева.